

A stylized illustration of a dragon's head in shades of green. The dragon has a large, rounded snout, a circular eye, and a small horn-like protrusion on its forehead. The illustration is composed of various overlapping green shapes and outlines, giving it a modern, graphic feel. Three four-pointed starburst shapes are scattered around the dragon's head.

**КИР БУЛЫЧЕВ**

**ПОСЛЕДНИЕ  
ДРАКОНЫ**

ИнтерГпол

Кир Булычев

**Последние драконы**

«ЭКСМО»

1993

## **Булычев К.**

Последние драконы / К. Булычев — «Эксмо»,  
1993 — (ИнтерГпол)

Серия повестей и романов о приключениях отважного агента Интер-Галактической полиции великолепной Кору Орват продолжается. На этот раз агенту 003 предстоит отыскать драконов. В государстве Лиондор планеты Южная Педанта Драконы являются символом государства, разводятся и охраняются и раз в году, на День Величия, выпускаются в свободный полет над столицей. Кора Орват приглашена расследовать таинственные исчезновения этих огромных животных, ведь государству предсказано, что когда последний дракон покинет Загон, – Лиондор погибнет...

© Булычев К., 1993

© Эксмо, 1993

## Кир Булычев

# Последние драконы

Из своей поездки на планету Нью-Гельвеция Кора Орват привезла кота Колокольчика, существо пушистое, добродушное, сообразительное и привязчивое. У Колокольчика был один недостаток, который был очевиден для всех, кроме самой Кору: котик был ростом с немецкую овчарку, а при нужде мог прыгнуть на десять метров. Когда он мурлыкал, окружающим казалось, что включили отбойный молоток. Колокольчик обожал Кору и готов был защищать ее от всех врагов сразу. Но комиссар Милодар, прямой начальник Кору, категорически возражал против того, чтобы Кора взяла котика на Южную Педанту.

– Ты летишь на мирную цивилизованную планету, – говорил он, расхаживая по гостиной своего скромного дома в Абрамцево. – Хороша ты будешь, когда появишься там со своим монстром.

Котик, который лежал у ног Кору, приподнял голову, приоткрыл зеленый глаз и не мигая уставился на комиссара.

– Почему вы его не любите? – спросила Кора. – Колокольчик никогда никому не причинил вреда.

– Он объявлен вне закона Лигой защиты собак, – поправил Кору Милодар.

– Несчастному песику не следовало кидаться на Колокольчика из-за угла. Котик даже не заметил, как его проглотил.

– Вот именно, – сказал Милодар.

– Давайте я не полечу на эту Педанту, – предложила Кора. – Я еще не догуляла отпуск, баба Настя меня ждет. Отпустите меня, комиссар.

– Я бы рад, – ответил комиссар. – Но, к сожалению, преувеличенная слава обгоняет твои действительные возможности. Правительство и народ Лиондора просят, чтобы мы прислали именно тебя.

– Тогда только с котиком, – быстро сказала Кора. – Он мне спас жизнь на Нью-Гельвеции, и я обещала всегда брать его с собой в командировки.

Котик заурчал так, словно включили двигатель танка. Он все понимал, но не умел разговаривать.

Молодая жена Милодара Макбетта, бывшая синхронная пловчиха, даже дома не расстающаяся с прищепкой для носа, принесла кофе. Она осталась в комнате и слушала разговор старших.

– Я думаю, – гнусаво сказала она, – что в твоём котике, Кора, заключен заколдованный принц. Или король. Это бывает.

Котик перестал урчать и негромко мяукнул, не спуская взгляда с прекрасной пловчихи.

– Не мели чепухи, Макбетта! – оборвал жену Милодар.

– Не хами, ты за это заплатишься, – предупредила Макбетта. – И если я до тебя не доберусь, то это сделает моя сестра.

Милодар поежился. Он уже жалел, что в прошлом году женился сразу на двух близняшках, синхронных пловчихах Джульетте и Макбетте. Макбетта отличалась бешеным характером, Джульетта была доброй, сдержанной, покладистой, но безудержно ревнивой. Месяц назад она уже отравила мужа, но Милодар ее, разумеется, простил.

Макбетта показала издали седому красавцу мужу небольшой сверкающий стилет и покинула комнату. Колокольчик поднялся было, чтобы последовать за этой женщиной, но Кора прикрикнула на него, и котик улегся у ее ног.

– Боюсь, что в прошлой моей жизни я был псом, – сказал Милодар. – Что-то у меня не складываются отношения с кошками.

Кора подумала, что Макбетту он, очевидно, относит к кошкам.

– Расскажите, что там произошло на Южной Педанте, – попросила Кора, чтобы увести разговор со скользкой дорожки.

– Неприятная история, – откликнулся Милодар, который тоже был рад переменить тему разговора. – Можно сказать, трагедия для правительства и народа Лиондора.

– Говорите проще, – попросила Кора, почесывая котика за ухом.

– На Южной Педанте, – продолжал комиссар Милодар, словно не слышал замечания своего агента, – расположено десятка два государств и королевств. Лиондор – далеко не самое большое, но зато самое древнее из них. В том государстве есть национальная реликвия – небольшая стая драконов.

Милодар включил экран, и на нем Кора увидела весьма неприятного вида чудовище изумрудного цвета, с мордой ископаемого динозавра. При дыхании из ноздрей вырывались струйки дыма и, как показалось Коре, вспышки пламени. Лениво и величественно поглядев на экран, дракон, словно его попросили об этом, расправил свои гигантские перепончатые крылья и торжественно пыхнул черным дымом.

– Сытый, – заметил Милодар. – Когда они голодные – чистый огонь идет.

– Какой размер? – спросила Кора.

– Высота в холке до десяти метров. Но обычно они куда мельче, метров пять-шесть. Зато среди них встречаются двух – и трехголовые уроды, они относятся к особо ценным хищникам, занесены в Золотую книгу редких животных Галактики.

– Они где живут? В лесу?

– Насколько мне известно, – ответил Милодар, – в природе драконов давно уже нет. Драконов разводят в неволе. Раньше, когда страной правил король, на драконах летали его гвардейцы. Сейчас драконов осталось мало, они плохо размножаются и часто болеют, да и королей уже нет. Но драконы остаются символом государства. И раз в году, на День Величия, драконов выпускают в полет над столицей. Это, скажу тебе, незабываемое зрелище.

– Они приручаются?

– Да, они приручаются. И, несмотря на их репутацию, драконы миролюбивы и даже добры! Особенно привязываются к тем, кто их кормит.

– И что случилось?

– Погоди, не торопи меня. Я должен сказать, что в последние годы, став республикой, Лиондор переживает трудные времена. Среди политиков и экономистов бытует мнение продать всех драконов богатым развитым соседям и пустить деньги на развитие современной промышленности. Но, разумеется, общественность против. Особенно возражают национал-патриоты. Они приводят в качестве аргумента старинное предсказание: «Когда последний дракон покинет Загон, погибнет страна Лиондор». Примерно так... я не силен в поэзии.

Милодар произнес последние слова с горьким чувством человека, у которого только один недостаток и он лелеет его, чтобы не вознестись на небо ангелом. Но Кора знала, что вознесение живьем на небо Милодару не грозило: помимо поэзии, он ничего не смыслил в музыке, живописи и хороших манерах.

– И что же произошло?

– Драконы стали исчезать.

– Куда?

– Никто не знает. Из семи государственных драконов уже исчезло четыре. По состоянию на сегодняшнее утро.

– А как их держат? В зоопарке?

– Моя крошка заинтересовалась, – констатировал комиссар. – Вот прилетишь в Лиондор, там тебе все расскажут.

– Только с котиком.

- Только без котика.
- Почему же?
- Потому что первый же дракон сожрет твоё животное.

Котик фыркнул. Не боялся он заморских драконов.

- С таким же успехом он может сожрать и меня, – заметила Кора.

– Не исключено, – согласился Милодар. – Такие случаи в нашей практике бывали. Но ты сама избрала себе такой путь. Так что терпи.

- Спасибо. Буду терпеть до последней клетки моего тела.

Милодар критически оглядел свою подчиненную. Все видимые клетки тела Кору Орват были вполне привлекательны. И хоть на беседу со своим начальником она явилась в скромном стального цвета платье, а единственным украшением на ней была нить розового жемчуга, аура соблазнительницы была неотделима от Кору. И уже не раз ИнтерГалактическая полиция использовала это качество своего агента № 3 в интересах справедливости.

В разговоре комиссара и Кору наступила пауза. Задание было получено, дружеский совет комиссара учтен, котик лежал у ног Кору и делал вид, что дремлет, в кабинет заглянула Джульетта с кувшином шербета, но Милодар отослал ее прочь ленивым движением руки...

– Итак, – сказал он, поднимаясь, – место на лайнере «Тайна Тускароры» тебе забронировано. Каюта второго класса...

- Опять второй класс! Без ванны!

– В этом году я получил уже два выговора за перерасход валюты, – мягко возразил Милодар.

- Но я не сомневаюсь, что моя командировка оплачивается Лиондором.

– А налоги! – вскинулся Милодар, который не выносил, когда его ловили за руку. Милодар, как и все руководство ИнтерГпола, не тратил лишних копеек на подчиненных. – А комиссия по проверке при Организации Объединенных Планет? А ревизия? А твои идеалы, наконец?

Обращение к идеалам было последним аргументом Милодара. В любом споре. С его точки зрения, все агенты ИнтерГпола должны были состоять в идеалистах. На него же это правило не распространялось.

- Если во втором классе, – твердо сказала Кора, – то вместе с котиком.

– Но ему билета не будет! Повезешь за свой счет. Это чуть больше твоего годового гонорара.

Котик вздохнул, поднялся и вышел из комнаты. Он понял, что это путешествие ему придется пропустить.

– Так бы и говорили с самого начала! – огрызнулась Кора. – И не надо было ссылаться на Лигу защиты собак.

Милодар был доволен. Он всегда радовался, когда мог сэкономить деньги своей организации.

– Желаю тебе успеха, – произнес он искренне. – Возвращайся скорей. И умоляю, без нужды не подходи к драконам.

- Я постараюсь, – сказала Кора.

– Суточные и билеты получишь у Сильвии-Луизы, – напомнил он. – Дай я тебя поцелую на прощание.

Он положил сильные руки ей на плечи и притянул Кору к себе. Его голубые глаза смеялись, от загорелой кожи пахло хорошим мужским одеколоном. Прохладные обветренные губы коснулись уголка ее губ...

Кора чуть отстранилась и спросила:

- А сейчас вы голограмма или на самом деле?

Будучи осторожным и предусмотрительным человеком, Милодар редко кому показывался в истинном виде. Злые языки утверждали, что это случается лишь на супружеском ложе, хотя и его жены не могут дать такой гарантии.

– Эх, – Милодар легонько оттолкнул Кору и вернулся к своему креслу, – испортила такую песню!

– Когда вылетать? – спросила Кора, улыбаясь одними глазами. Она была рада, что смогла вывести из себя этого бессовестного комиссара.

– Машина ждет внизу, – ответил Милодар, закуривая гаванскую сигару. Последнее слово осталось все же за ним.

\* \* \*

На космодроме республики Лиондор Кору встречали высшие чины государства. Они были одеты одинаково, ибо в той стране издавна существуют строжайшие правила соответствия одежды обстоятельствам. На пир, на свадьбу, на рождение, на похороны, на встречу бабушки на вокзале или на встречу тети в морском порту существуют свои правила. Рождаясь, каждый гражданин Лиондора получает толстую, переплетенную в кожу Книгу Одежд. Это Главная Книга Жизни. Теперь, когда в стране временно господствует демократия, казни за грубые ошибки в одежде и тюремное заключение за ошибки незначительные отменены. Но это не означает, что их можно допускать, – система штрафов осталась и действует, хоть и не столь эффективно, как система страха. Многие недовольны происходящими в стране событиями, но некоторые безрассудные граждане, особенно подростки, принялись надевать что придется, бросая вызов обществу. И потому с каждым днем все громче раздаются призывы патриотов: «Вернуть стране порядок и страх! Без этого мы скатимся в бездну анархии».

Разумеется, безответственных подростков на космодроме не было. Несколько человек, в основном пожилых, были облачены в темно-синие сюртуки, блестящие черные котелки с прикрепленными к ним позолоченными значками, изображающими Землю. На левом плече у каждого располагался спящий жук Рестиния Регус, символически обозначающий просьбу оказать помощь в беде, а обшлага были обшиты тонким белым кантом, указывающим на траур потери. Остальные детали туалета встречавших, хотя и важны для взгляда лиондорца, для наших читателей не так существенны.

– Мы рады приветствовать вас на нашей земле, – сообщил от имени встречающих Кораллий, десципон Загона, второй конверций реанимозы.

Кора с трудом разбиралась в чинах и должностях этих людей, так как, помимо схожей одежды, они соблюдали схожее, предусмотренное этикетом выражение лиц. Лишь фотографическая память Кору, проведенной сутки в каюте второго класса лайнера «Гайна Тускароры» за изучением местной прессы, энциклопедии «Кто есть кто в Лиондоре» и «Большого толкового словаря выражений и обычаев лиондорского общества», помогла ей приблизительно отличать хотя бы десципонов от парраниев различного ранга.

– Не теряя надежды на то, что ваше чуткое сердце, мадам Кора, отзовется на нашу беду, мы в то же время не смели надеяться на то, что вы сможете уделить малую толику вашего драгоценного времени...

Рядом с десципоном стоял немолодой бледный мужчина с редкими волосами, зачесанными поперек лысины, и в коротких штанишках со штрипками. Он негромко повторял речь десципона, глядя при том на Кору.

У десципона был тоскливый, занудный голос, словно он выговаривал нерадивому ученику. Кора перестала вслушиваться в бесконечную речь и украдкой оглядывала первый клочок Лиондора, который попал в поле ее зрения. Разумеется, космопорт – не самое типичное место для того, чтобы ознакомиться со страной, но все равно он лучше, чем все энциклопедии

дии, вместе взятые. Вот сидит у стены джентльмен в высоком черном цилиндре и полосатом костюме. Он играет на лютне что-то грустное и занудное, как речь десципона, вот вереница девочек в серых платьях с белыми воротничками, пританцовывая, пересекает зал. Впереди – девица постарше, платье у нее подлиннее, а воротничок желтый. Все это что-то значит, но Кора не помнит что! А вот женщина под такой плотной черной вуалью, что кажется, будто она носит чадру, и в черных очках, одетая в бесформенную брезентовую тогу, подпоясанную черным широким ремнем. А вот и вовсе странное существо – молодой человек в темно-розовом костюме с большой бабочкой, вышитой на груди, и ананасом – на спине.

Мимо джентльмена в черном цилиндре проходит стюардесса с линии «Синяя орхидея». Стюардесса достает из кошелька монету и протягивает музыканту. Не прекращая играть на лютне, музыкант поворачивается так, что перед рукой стюардессы оказывается отвисший боковой карман сюртука. Стюардесса кидает туда монету. Этот ее жест видит одна из девочек, что проходят мимо, девочка бежит через зал к музыканту и пытается залезть к нему в карман. Начальница девочек догоняет ее, дает подзатыльник, отнимает монету и прячет себе за щеку – вся эта драматическая сцена занимает не более минуты, и свидетелями ее, кроме Кору, оказываются многие пассажиры и иные посетители этого зала, но никого она не удивляет... К женщине под чадрой подходит подвыпивший механик с «Тайны Тускароры». Кора помнила его, потому что он не оставлял ее знаками внимания весь рейс. Он обнимает девицу за плечи, та сбрасывает его руку, оглядывается, но покорно уходит за механиком. Кора вспоминает строки из этнографического справочника: «Проституция считается в Лиондоре пороком особо позорным, и потому женщины легкого поведения обязаны скрывать свои прелести и одеваться так, чтобы ничем не привлекать внимание мужчин. Разумеется, мужчины, наученные опытом, наиболее падки на плохо одетых женщин...»

– Очевидно, вы устали с дороги? – спросил Кору пожилой мужчина в коротких штанах, потому что, заглядевшись, Кора не заметила, как десципон завершил приветствие. Теперь все ждали, будет ли Кора произносить ответную речь.

– О да! – сказала Кора, стараясь воспроизвести наиболее вежливую из интонаций в лиондорском языке. – Я благодарна вам за прием, но я очень устала с дороги и, если возможно, хотела бы отдохнуть.

Все десципоны, паррании, мавляки и вице-карреон, что встречали Кору, принесли ей свои извинения за то, что ей пришлось выслушивать речи, и проводили ее до машины, которая будет отныне в ее распоряжении. У машины расстались. С ней остался лишь немолодой человек в коротких штанишках.

– Я ваш переводчик, – сообщил он Коре. – Я буду вам помогать.

– Спасибо, – сказала Кора. – Но я выучила ваш язык в лайнере. Да и кто в наши дни учит языки, когда любой можно одолеть за сутки?

– Вы совершенно правы, моя госпожа, – согласился немолодой человек. – Но каждый должен выполнять свой долг до конца. Государство потратило большие деньги на мое обучение. Я до конца дней своих буду ему обязан. Я должен перейти в седьмой разряд, тогда я получу право на длинные штаны. А для этого необходимо удачно отработать с инопланетной делегацией. Вот вы и есть моя работа.

– Значит, мне от вас не отделаться?

– И не мечтайте, – смущенно улыбнулся переводчик.

– Но вы обещаете, что не будете переводить?

– А я вашего языка почти не знаю.

– И не будете мне помогать?

– Запрещено!

– А если я вас очень попрошу? – спросила Кора.

– Только никому ни слова!

Переводчик вздохнул с облегчением. Он был так взволнован, что вынужден был опереться пальцами тонкой руки о плечо Кору.

– Спасибо, – прошептал он. – Мои молитвы были услышаны.

– За что вы меня благодарите?

– Поймите же, госпожа Орват, у нас, в нашей бедной, разоренной, отсталой, но гордой стране, нельзя менять профессию. Если ты выучился на переводчика, то будешь переводчиком до конца своих дней. Но если вы меня попросите лично, я могу исполнять ваши другие просьбы. Вы всем говорите, что я перевожу, а я на самом деле вам способствую!

Он готов был снова и снова повторять свою речь, но Кора, которая все уже поняла, перебила его:

– Как вас зовут?

– Меррони. Меррони Краппиги. Но для вас просто Меррони или даже Мери.

– Спасибо. Зовите меня Корой. Вы умеете водить машину?

– Понимаете, госпожа Кора, – опечалился переводчик, – для вождения машин существуют шоферы. Я же не отношусь к их числу, потому что даже бедный переводчик выше рангом, чем самый лучший шофер, не считая, конечно, правительственных.

– А если попросить?

– Лично?

– Лично.

– Все равно не умею. Всю жизнь хотел, но машина мне не положена.

– Хорошо, водить машину буду я, – сказала Кора, обходя старый, привезенный с Арктура правительственный лимузин и открывая дверцу. – Садитесь рядом.

Рядом переводчик не сел. Переводчикам не положено сидеть рядом с шофером, потому что переводчики куда как превышают шоферов рангом, тем более переводчику не положено садиться рядом с госпожой, которую он обслуживает, потому что госпожа, которую он обслуживает, значительно превосходит его рангом. Положение почти безвыходное, так что переводчик расположился на заднем сиденье, а Кора повезла его в гостиницу.

Некоторые особенности жизни в гордом, но небогатом государстве Кора ощутила в гостинице «Брустоль». Оставив переводчика в холле дожидаться, пока она приведет себя в порядок и переоденется, Кора поднялась к себе в номер «люкс».

Раскрыв сумку, Кора вытащила оттуда чистое белье и рабочее платье, которое соответствовало званию Инопланетной Гостьи высокого разряда, находящейся в Лиондоре с заданием особой важности. Платье она разложила на кровати, разделась и направилась в ванную.

Для того чтобы Кора не ошиблась, на дверях ванной было написано «Мытье» на восьми языках. Кора вошла внутрь и очутилась в крошечной кабинке, где с трудом помещалась дырявая лейка душа. К счастью, в душе была вода, прохладная, но не ледяная, и Кора, которая за свои долгие скитания привыкла, что в гостиницах вообще воды не бывает, отнеслась к такому душу философски.

Когда же она спустилась в холл, переводчик Мери, который читал газету, вытянув в проход волосатые ноги переростка, спросил ее:

– Ну как там, в «люксе»?

Кора отметила, что тон его изменился к худшему и, видно, его придется воспитывать скорее кнутом, чем пряником.

– Отлично, – ответила Кора, – я в жизни еще не видела такого комфортабельного и уютного номера.

Склонившись к стойке, портье улыбнулся ей, и Кора поняла, что каждое ее слово здесь тщательно фиксируется.

– Говорят, здесь есть ванны, – тихо пропел Мери. – Мечта жизни.

– Ах, как жаль, что вы не сказали мне об этом раньше! – ответила Кора. – Я бы показала вам замечательную ванну, которая находится в моем номере!

– Но в будущем...

– В будущем, – Кора первой пошла к выходу, – вы будете иметь возможность поплескаться в ней. Только не забудьте захватить с собой свежее полотенце.

– Разумеется, обязательно!

Портье поманил Кору пальчиком. Был он респектабелен, сух и зятанут в костюм, указывающий не только на должность, но и на то, что его мама страдает от артрита, а папа похоронен на Юго-Западном кладбище.

– В чем дело? – строго спросила Кора.

– Простите, дама, – произнес портье с почтительным придыханием, – но посторонним лицам запрещено пользоваться нашими ванными и уборными.

– Спасибо за то, что вы напомнили мне об этом, – вежливо ответила Кора. – Кстати, замечу вам, что при всех достоинствах вашей гостиницы ей свойственны ничтожные недостатки.

– Не может быть!

– Например, советую вам поместить в туалет туалетную бумагу, в ванную – мыло и полотенце, а на кровать – простыни.

– Это клевета...

Но тут в разговор вмешался переводчик.

– Вам позвонят! – прошипел он. И показал пальчиком вверх.

Портье проследил за направлением пальца и нагло ответил:

– Буду ждать.

Когда они вышли к машине, переводчик спросил, глядя в сторону:

– А ванна-то есть?

– Вас это интересует?

– Когда я был мальчиком, мы гуляли мимо гостиницы и моя бабушка говорила, что если я буду хорошо учиться, то когда-нибудь смогу пожить в такой гостинице и помыться в настоящей ванне.

– Там очень неплохой душ, – сказала Кора.

– И за что только деньги берут! – вырвалось у переводчика, который с трудом пережил гибель детской мечты.

Но тут же Мери утешился:

– Зато, – сказал он, – у нас лучшие в мире драконы.

\* \* \*

Лимузин, прозванный Корой скарабеем за зеленоватую солидность и навозные запахи, накопившиеся в его потертых сиденьях за десятилетия честной службы отечеству, два раза глохнул в пути. Коре приходилось тормозить у обочины, открывать капот и распутывать следы предыдущих ремонтов и починок.

При виде красивой молодой женщины, одетой по-иностранному, копающейся в нутре государственного лимузина, вокруг сразу собиралась молчаливая толпа, застенчиво и неотрывно глядевшая не столько на автомобиль, сколько на саму Кору. Прохожие вели себя как сбежавшие от семьи чиновники в порнографическом кинотеатре.

Переводчик Мери ни разу не покинул лимузина, потому что, оказывается, ему не положено было находиться рядом с низким ранга существом, которое чинит автомобиль. Двойственность Кору его не смущала: в сущности, она была иноземкой, а от иноземцев можно ждать любого безобразия, но собственную репутацию приходилось беречь.

– Зря вы все-таки этим занимаетесь, – сообщил он Коре после второй поломки. – Не очень это прилично. Мы же не знаем, кто там на вас смотрит.

– Вы предпочли бы сидеть в машине и ждать?

– К нам бы обязательно прислали ремонтную бригаду, – возразил Мери.

– Что-то я ни одной не заметила.

– Мало у нас ремонтных бригад, – признался Мери. – Совершенно недостаточно.

Как и положено жителю бедного, но честного Лиондора, он презирал любого иноземца, который уже в силу своего рождения не мог быть достаточно честным и благородным, но в то же время он страшно завидовал той жизни, которую вела Кора, тем мирам, где она бывала, тем вещам, которые она видела или приобретала. Мери тянулся к своей начальнице, но в то же время не мог не презирать ее.

После путешествия через весь город, которое оказалось куда более долгим, чем Кора полагала, они оказались перед воротами Загона.

Въезд в Загон представлял собой некогда великолепное сооружение из кирпича, бетона и мрамора, имитирующее вход в древний рыцарский замок. К башне, в которой скрывались ворота, можно было пройти только по подъемному мосту, перекрывавшему ров. К сожалению, ров давным-давно высох, в нем выросли кусты и даже деревья, достававшие вершинами до моста и подпиравшие его. К тому же посетители Загона считали своим долгом кидать в бывший ров бумажки от конфет, пакетики из-под орехов и другие ненужные вещи. Некоторые из вещей гнили, и потому из рва поднимался легкий запах тления.

Сами ворота давно были открыты, потому что их правая створка сорвалась с верхней петли, а левая осела так, что углом утонула в утоптанной мостовой.

Башня обветшала, мраморные плитки большей частью осыпались и были растащены обывателями, а под ними обнаружили бетон и арматура.

У ворот, торжественно одетые для встречи Инопланетной Гостьи, прибывшей для выполнения своего Долга, стояли оба десципона (бородатый и безбородый), а также старший драконослужитель, драконокормилец и чины бухгалтерии. Начинался дождик, и встречавшие сгрудились под башней, возле переносного столба с надписью на белом квадрате: «ЗАГОН ЗАКРЫТ. КАРАНТИН».

Уже знакомый Коре главный десципон Загона вышел вперед и погладил Кору по плечу в знак нежной любви. Его примеру последовали остальные. Последним этот акт совершил драконокормилец, грузный молодой мужчина со скорбным взглядом, в черной холщовой накидке и котелке набекрень. Кора подумала, что этот кормилец наверняка недокармливает драконов.

– Мне переводить? – спросил переводчик Мери, когда десципон начал приветственную речь.

– Можете не стараться, любезный, – остановила его порыв Кора.

– Счастье, которое испытываем мы, скромные служители драконьего фронта, – талдычил десципон, – при виде столь высокой гостьи, которая нашла время, чтобы посетить нас и заглянуть с нашей помощью в глубь проблемы, которая, хоть и может показаться ничтожной в масштабе тех свершений и дел, которые свойственны современному Лиондору, беспокоит нас, работников Загона, так как для нас нет дел мелких и ничтожных...

Кора кашлянула.

Десципон сделал паузу и почесал седую бороду, намереваясь продолжить речь. Мери понял кашель Кору как указание к действию. Он сделал шаг вперед и возвестил:

– Госпожа агент Кора Орват с благодарностью выслушала речь господина десципона и готова проследовать для осмотра Неповторимого Загона.

Господин десципон замолк и остался стоять с полуоткрытым ртом, так как правила игры были нарушены, а в таком случае он не знал, что надо делать. Тогда инициативу взял в свои руки второй, безбородый десципон, явный либерал и, может быть, диссидент.

– Пойдемте, – сказал он, – с утра ждем.

Они проследовали в Загон, своего рода зверинец, однако приспособленный для одного лишь вида хищников.

Миновав низкую арку башни, они оказались в широком проходе, огражденном с обеих сторон толстыми железными решетками. За решетками располагались загоны для драконов, подобные тем, что устраивались в зоопарках для белых медведей: площадка, покрытая песком и щебенкой, спускающаяся к небольшому бассейну с несвежей водой, по сторонам и сзади круто поднимающаяся стена, в которой полукругом чернел вход в пещеру – убежище зверя.

Пока глаза Кору обзрели пустые загоны для драконов, ее ноздри судорожно сжались, стараясь не пропустить внутрь застарелую вонь, заполняющую эту местность. Коре представилось, что драконы живут здесь несколько сот лет и упорно гадят под себя, к тому же страдают несварением желудков.

– Сюда и детей водят? – спросила Кора саму себя, но Мери услышал и тут же спросил у десципона:

– Водят ли сюда на экскурсии детей и подростков, уважаемый десципон?

Престарелый первый десципон растерянно обратился к драконохранителю, тот посмотрел на драконокормильца. Толстый кормилец ответил:

– Детей сюда и водят. Очень помогает. Особенно если непослушный ребенок.

– А где же драконы? – спросила Кора, мечтавшая об одном: уйти отсюда, улететь с этой планеты как можно дальше и никогда в жизни не искать более драконов.

– Здесь был Ослепительный. – Кормилец подвел Кору к картинке, нарисованной на жестяной табличке, прикрепленной к решетке. Кора потрогала ржавый прут решетки – толщиной он был с человеческую руку, что заставляло с уважением относиться к силе драконов.

Кормилец дернул за рукав переводчика, и тот пришел Коре на помощь.

– Вот здесь, – сказал он, – вы видите изображение обыкновенного дракона, проживающего в нашем Загоне.

– Вы читайте, читайте! – попросил переводчика кормилец.

– Читайте! – Переводчик не любил, когда им помыкали. Кора и без него могла все прочесть, но не стала вмешиваться во внутренние проблемы Лиондора.

Дракон обыкновенный.

Кличка Ослепительный.

Возраст сто шестьдесят три года.

Окрас голубой с коричневым.

Размах крыльев шестнадцать метров.

– Вы меня слушаете, госпожа Кора?

– И его украли? – спросила Кора, разглядывая табличку.

Дракон на ней не казался страшным и даже внушительным. Таких драконов она сама рисовала в детстве, изображая освобождение принцессы славным рыцарем Георгием.

– Исчез, – сказал кормилец. – Пропал, и нет следов.

Он показал на дверцу в решетке. Дверца была не заперта, а лишь привязана веревкой, чтобы сама не открывалась.

– Хорошо, я потом осмотрю загоны, – сказала Кора, с завистью думая, как хорошо было бы здесь молодым женам комиссара Милодара. Ведь они синхронные пловчихи, у них носы зажаты прищепками. Им что смрад, что аромат – один черт.

Процессия направилась к следующему пустовавшему загону, и драконокормилец, оперев пузо в решетку, внятно прочел биографию и габариты следующего дракона, судя по рисунку, отличавшегося от первого лишь цветом – родился темненьким. Мери уверенно повторил текст

на плохом русском языке. Мысленно Кора его несколько раз поправила, дивясь лени или бездарности переводчика.

Решетка третьей клетки была снабжена засовом и всяческим замком.

– Он там, – сообщил кормилец.

Все остальные служители Загона согласно наклонили бородатые головы, качнули соответствующими случаю шляпами. Дракон был там.

Его загон ничем не отличался от прочих, если не считать большой кучи зеленого кала, лежавшего у маленького водоема. Это придавало загону обжитой уютный вид.

– Дракон Смирный, – сообщил кормилец, но прижиматься к решетке не стал, а читал текст на табличке, отступив от решетки:

Дракон восточный обыкновенный.

Возраст восемьдесят два года.

Окрас бурый с оранжевыми подпалинами.

Размах крыльев девятнадцать метров.

Отличается недоверчивым нравом.

Крайне опасен.

Что скрывалось за недоверчивым нравом, Кора узнала тут же, как завершилось чтение. Дракон, видно, решил показаться гостю.

Из широкого пятиметрового жерла пещеры послышалось сдержанное рычание, похожее на раскат отдаленного грома. Гром стал приближаться, и затем из пещеры вырвалась струя светлого, но страшно вонючего дыма. И наступила долгая пауза.

Люди молчали. Дракон тоже не спешил. Может быть, приглядывался к Коре – по крайней мере, ей показалось, что сквозь клубы дыма она видит сверкание желтых яростных глаз.

– Ну, давай, давай, – тихо сказал дракону переводчик Мери, будто сам никогда раньше не видал драконов.

И тогда дракон выпрыгнул на площадку. Выпрыгнул, вылетел, выскочил – любое сравнение будет бессильным перед той вспышкой энергии, которая исходила из закованного в каменную чешую рыжего с оранжевыми подпалинами чудовища.

Правда, о подпалинах Кора в тот момент не думала. Ей показалось, что рассерженный дракон Смирный сейчас разнесет ко всем чертям жалкую решетку ограждения и сожрет агента ИнтерГПола и всех служителей зоосада, включая своих дорогих кормильцев.

Не в силах остановить свое неумолимое движение, дракон пронесся через весь загон и врезался челюстью и грудью в ограду, которая затрепетала, словно шелковая сетка, – но, правда, удержала чудовище.

Увидев, что решетка устояла и презренные муравьи, именуемые людьми, остались целы (хоть и умчались прочь), дракон закрутился по площадке, поднимая густую пыль, затем поднял повыше украшенный острыми шипами хвост и принялся увеличивать зеленую кучу.

– Жаль, что наш ветеринар по драконам уволился, – вздохнул кормилец, который переждал атаку дракона рядом с Корой у пустого загона. – Третий день несварение желудка. Я уж его, крокодила, кормлю-кормлю! Ничего не помогает.

– Он кормит, – откликнулся из пустого газетного киоска десципон. – У нас все поставлено на щедрую ногу. Вы не представляете, скольким приходится жертвовать ради наших зверьков.

Последнее слово он произнес громко и певуче. Каким-то образом дракон услышал голос начальника Загона и пустил в его сторону тонкую серую струю дыма, которая достигла десципона. Его лицо и руки почернели, и старичок с жалобными криками убежал прочь.

– Иногда мне кажется, – произнес кормилец, медленно поднимаясь на ноги и помогая подняться Коре, – что эти твари что-то соображают. Но вообще-то они безмозглые.

– А как считает наука? – спросила Кора.

Служители и хранители тоже поднимались из пыли, отряхивались и при том сквозь зубы, но внятно хулили дракона, который не обращал на них никакого внимания. Судя по всему, его мучили колики. Оттого он пускал дым, издавал звуки и рычал.

– Продолжим экскурсию? – задорно спросил толстый драконокормилец.

– Они все такие? – спросила Кора.

– Другие крупнее, – ответил кормилец.

– Ах, – произнес откуда-то издали бородатый десципон. – Наша гостья, наверное, уже устала и хочет передохнуть. Давайте пригласим ее в нашу скромную столовую для сотрудников.

– Я полагаю, что руководство Загона совершенно правильно поднимает вопрос о заботе о нашей гостье. От имени правительства я полностью одобряю это решение, – заговорил где-то скрывавшийся ранее Мери.

Никто не обратил внимания на филиппику Мери, а Кора, преисполнившись гордыни, решила не подчиняться этой несмелой публике. Ее задача заключалась в поисках драконов, а не в дружбе с десципонами.

– Большое спасибо, – сказала Кора, поднимаясь с земли и отряхивая с платья пыль. – Однако, к сожалению, я вынуждена отложить на некоторое время радость общения с вами. Мы еще не обошли все клетки и загоны.

Общий стон разочарования был ответом Коре, но она умела игнорировать мужские мольбы. Дракон Смирный повернул жабую голову и оскалился. Желтый глаз горел, как огонек зажигалки. «Какое счастье, что я послушалась Милодара, – подумала она, – и оставила котика с бабой Настей. Ведь попади он сюда, кинулся бы меня защищать – и не было бы у меня котика».

Третий загон также был пуст, и Кора отложила на будущее читку сопроводительной таблички. Она знала уже, что из семи драконов четыре пропали бесследно, а три все еще находятся в Загоне. Одного она уже видела. Остальных обязана была увидеть. Ведь прежде чем выяснить, как драконы пропадают, сыщик должен понять, насколько хорошо их охраняют и возможно ли их украсть. Следующий шаг – понять, кому это выгодно.

Пока Кора рассуждала таким образом, все хранители и кормильцы уже поднялись на ноги и нехотя потянулись за Корой, которая подошла к клетке, на которой была надпись:

Дракон королевский, гибридный.

Самка Ласка.

Возраст пятьдесят лет.

Масть белая, в крапинку. Глаза голубые.

Уникальный экземпляр.

Размах крыльев двадцать метров.

Горда. Не кормить, не дразнить.

На этот раз пришлось долго ждать, прежде чем дракониха проснулась и соблаговолила выйти. Служители и руководители Загона кричали на нее, звали, умоляли, обещали лакомства, угрожали – но из черного зева пещеры не раздавалось никаких звуков.

– Может, тоже исчезла? – неуверенно спросил десципон, но кормилец отрицательно покачал головой:

– Я ее сегодня видел, бегала по загону, клянчила. Вы же знаете ее нрав.

– Отвратительный нрав, – согласился десципон.

Кора не вмешивалась, ей хотелось стать незаметной, своей, обычной – тогда и только тогда она сможет заглянуть в души людей. Ведь как бы ни исчезали драконы, почти наверняка у преступников были сообщники в самом Загоне – иначе сюда не проникнешь и не выведешь

дракона. Правда, наглядевшись на Смирного, Кора вообще усомнилась в том, что возможно куда-то вывести дракона, способного погубить взвод тяжеловооруженной пехоты.

– Слушай, кормилец, – сказал первый десципон, почесывая узкую жидкую бороденку, – а сбегай-ка ты на кухню и принеси оттуда...

– Каши?

– Нет, мяса.

– О нет! – вырвалось у одного из зрителей.

– Пока еще я здесь начальник! – вскричал десципон. И, отстегнув от пояса связку ключей, он протянул ее толстому кормильцу, произнеся: – Желтый, большой – от холодильника.

– Что едят драконы? – спросила Кора.

– Маленьких непослушных детишек! – весело откликнулся толстый кормилец и побежал прочь.

Из пещеры так никто и не появлялся.

– Зря вы такая настойчивая, – сказал переводчик. – Вам же надо с этими людьми работать в тесном контакте. А если они вас невлюбят?

Вскоре появился драконокормилец. Он нес вилы с насаженным на них куском мяса размером с ботинок.

Почему-то его появление вызвало приступ печали среди стоявших вдоль решетки сотрудников Загона. Чего нельзя было сказать о драконе.

Со страшным ревом из пещеры выскочила дракониха Ласка – существо в самом деле необыкновенное и прекрасное в своем пресмыкающемся уродстве, белое в синий горошек, словно одетое в любимый парижский сарафан Кору, большие голубые глаза сияют, красный рот приоткрыт, и розовый язык размером с матрас нервно облизывает ровные пики белых зубов...

– А сколько они живут? – спросила Кора шепотом у переводчика, глядя, как кормилец просунул вилы сквозь решетку, а Ласка несмело, будто не верила своему счастью, приблизилась к решетке с той стороны.

– Сколько они живут? – передал переводчик вопрос Кору одному из десципонов.

– До четырехсот лет, – ответил десципон. – У нас в крайней клетке долгожитель. Триста пятьдесят. Но он чаще всего спит.

– Значит, Ласка совсем еще ребенок, – произнесла Кора.

Никто не возразил.

Большой белый ребенок вблизи оказался не столь прекрасен, как при первом взгляде. Покрытые чешуей бока дракона ввалились, живот практически прилип к хребту, ноги и брюхо измазаны в помете, а движения дракона были неуверенны – казалось, что эта юная громадина вот-вот упадет.

– Что с ней? – спросила Кора. – Вы ее не кормите, что ли?

Никто ей не ответил. Вилы дрожали в руках толстого кормильца. Не доходя двух шагов до решетки, Ласка вытянула вперед длинную шею и сложила трубочкой губы. Дотянувшись до мяса, она резким движением выбросила вперед язык, сорвала мясо с вил и кинула в пасть. Затем, к удивлению Кору, которая думала, что Ласка проглотит этот кусок мяса, словно муху, дракониха принялась перекачивать во рту, дегустировать кусок, как воспитанный ребенок редкую конфету трюфель.

Глаза драконихи заволокло белой пленкой, по телу пробежали залпы сладострастной истомы.

– Скажите, пожалуйста, – спросила Кора у десципона, – а если бы дракон смог убежать отсюда, куда бы он делся?

– Убежать нельзя!

– Но если...

– Если бы убежал, – сказал кормилец, отбрасывая в сторону вилы, – то в Древний Волшебный лес, который начинается за Хребтом Независимости, в трех спареках от города.

– И бывали такие случаи? – спросила Кора.

– Исключено! – воскликнул десципон.

Ласка наконец проглотила мясо и тихонько, совсем по-собачьи завывала.

– Она же голодная! – вырвалось у Кору.

– Вы с ума сошли! – возразил десципон с бородой, явно готовый к такому обвинению. – Мы с вами сейчас пройдем в мой кабинет, и вы увидите все документы. Мы ведем строжайший учет всех продуктов и витаминов, которые выдаются нашим дорогим крошкам. Там есть все – от гороха до печени трески. Ни один дракон не засыпает голодным – вот наш лозунг!

– Лицемерит она, – сообщил толстый кормилец. – На жалость вас берет. Видит, приехал кто-то из Галактического центра, проверка, комиссия, можно пожить! Вы не представляете, насколько они коварны!

– Но ведь вы только что утверждали, что драконы – безмозглые пресмыкающиеся!

– Это тоже правильно! – ответил кормилец. – Они и такие бывают, и такие. Как им выгодно! У, ублюдки!

В ответ на этот возглас сзади отозвался рычанием мучимый поносом Смирный, взвизгнула с ненавистью Ласка, и из дальней пещеры донесся рык старожилы.

– Пошли дальше? – спросила Кора, чем повергла в смущение всех своих хозяев.

– Но зачем? – спросил десципон с бородой. – Разве вы чего-нибудь еще не видели? Обед уже остыл.

– Остался всего один дракон, – разумно возразила Кора. – Дракон-долгожитель. Должна же я увидеть дракона-долгожителя!

И она направилась к следующему, пятому загону, потому что была уверена, что долгожитель слышит ее и подсматривает за тем, что происходит у загона с Лаской.

Долгожитель сразу вылез из пещеры, как только Кора к ней приблизилась. Не надо было даже читать табличку, чтобы понять: и в самом деле дракон прожил большую и сложную жизнь. Одно крыло было надорвано, глаз вытек, кое-где зеленая и серая чешуя осыпалась, как изразцы с печки, обнаружив бурую пупырчатую кожу. Шел старик неуверенно, пошатываясь, напрямик добрался до решетки и стал лизать ее, давая понять, что и он не прочь бы полакомиться мясом, как молодая соседка.

– Его не надо покормить? – спросила Кора.

В голосе ее звучало искреннее сочувствие, и, услышав его, дракон взвыл. Ему вторили Ласка и Смирный.

– Ну-ну, паршивец, – прикрикнул на него кормилец, а десципон погрозил дракону серебряным посохом.

Кора кинула взгляд на табличку. Дракона звали Небесным Оком. Так и было написано: «Небесный Ок». Кора решила, что надо будет обязательно спросить, что это означает – только ли опечатку в слове «Око» либо какой-то местный термин.

– Теперь мы можем пойти пообедать? – раздраженно спросил десципон.

– Да, – сказала Кора. – Только скажите мне, пожалуйста, когда вы кормите драконов?

– Два раза в неделю, – быстро ответил десципон. – Но до отвала. В природе драконы ведут такой же образ жизни: сначала нажираются до отвала, а потом спят до следующей охоты.

– Да, кстати, когда состоится следующая кормежка?

– Когда? Когда? – Все смотрели друг на друга, а ответил толстый кормилец:

– Завтра состоится. Завтра мясо привезут. Они и нервничают, потому что подходит их срок.

– Вот видите! – укоризненно сказал первый десципон. – А теперь можно идти обедать?

– Пошли, пошли, – ответил за всех переводчик Мери.

Кора подчинилась столь настойчивому желанию большинства.

\* \* \*

Обед был подан в обширной бухгалтерии Загона – общий стол был сдвинут из канцелярских столов, а шкафы с многочисленными ящиками и ящичками высились вдоль стен, как официанты. Коре еще не приходилось участвовать в таких бедных совместных пирушках, потому что на Земле, как известно, не принято питаться на службе – для этого есть кафе и рестораны. Да и как можно пировать без чистых салфеток и приборов? Разумеется, на пикнике за городом обстановка иная, но и туда нормальные люди берут с собой одноразовые пластиковые тарелки и вилки, одноразовые скатерти и иные полезные одноразовые вещи. За этим стоит простая философия: еда – это уничтожение питательных продуктов, то есть действие одноразовое, ибо нельзя дважды прожевать один бифштекс. Следовательно, то, что прилагается к пище и способствует ее ликвидации, должно быть одноразовым. Этот принцип Ананды Раджкумара разделяется далеко не всеми жителями Земли, ибо среди них есть немало гурманов, получающих наслаждение от еды на севрском фарфоре тяжелыми серебряными вилками и ножами.

Канцелярские столы, сдвинутые вместе, образовали один длинный разновысокий стол, покрытый большими листами белой бумаги и салфетками, так как, видно, одной большой скатерти в Загоне не нашлось. На столе в ряд расположились разномастные блюда и тарелки с нарезанными овощами, редькой, принявшей здесь розовый цвет картошкой, салатом и иными простыми закусками, центральное место среди которых занимала колбаса. Между тарелок и блюд перед каждым из гостей стояла небольшая тарелка и ложка с заостренным краем, которую, как Кора знала, в простых домах использовали как вилку и ножик.

На столе также стояли бутылки. Четыре бутылки с прозрачной белой жидкостью – очевидно, спиртом или водкой. Именно к этим бутылкам были прикованы восторженные, тревожные, напряженные взгляды присутствующих. Кора поняла, что стремление как можно скорее закончить экскурсию по Загону с драконами объяснялось просто: их ждало угощение, здесь, видно, нечастое, связанное с ее приездом.

Чтобы проверить свое предположение, Кора обернулась к улыбающемуся сладострастной улыбкой переводчику Мери.

– Скажите, это... пиршество, за чей счет оно?

– Ах, оставьте, – прошептал переводчик. – Разве это пиршество? Мы так пируем каждый день...

– Мери!

– Конечно же, на этот обед десципон выбил деньги в министерстве, – сразу признался переводчик. – Вы знаете, мы – небогатая, но гордая страна, и водка у нас очень дорога.

– Все ясно, – сказала Кора. – Тогда пошли за стол.

Служители Загона двинулись к столу, делая вид, что не спешат.

Но глазки у всех горели, и ноги неслись к тем местам за столами, где, скромно поблескивая, стояли литровые бутылки. Кора мысленно произвела подсчет: четыре бутылки, девять человек, она сама не в счет, потому что полицейский никогда не пьет на задании. Видно, здесь мастера пить! Или водка в бутылках не водка, а легкий напиток.

Дождавшись, пока десципон с бородой опустился на стул во главе стола, рядом с Корой, сотрудники Загона ринулись к столу, начали шумно и весело отодвигать стулья, рассаживаться, стучать ложками, собирая с тарелок салаты и картошку, сталкиваясь вилками над блюдом с колбасой. Но о Коре не забыли: кто-то кинул ей на тарелку два ломтя колбасы. Кто же такой добрый? Кора решила было, что переводчик, – это его долг. Но только тут она заметила, что Мери уселся на другом конце стола, нагло подмигивая ей оттуда, словно сообщнице. Хорошо устроился! Кора поняла, что намерена страшно отомстить ему за эту фамильярность. Он ведь

и не подозревал, что попал в услужение к женщине коварной и будет наказан за попытку уклониться от дела.

Звенели стаканы и чашки, куда зоологи и администраторы, счетоводы и снабженцы спешили разлить напиток. Вдруг это оживленное действие прервал короткий авторитетный звон: десципон Загона с бородой поднялся во главе стола и откашлялся. Сейчас начнется еще одна речь – Кора уже знала наизусть, что будет сказано.

– Господа, господа, минутку внимания! Перестаньте греметь посудой! Внимание, внимание!

– Внимание! Внимание! – подхватил сидевший рядом с Корой драконокормилец.

– Мы с вами еще не познакомились, – сказала ему Кора.

Тот страшно удивился. Обратил к ней доверчивый зеленый взор и почесал кончик носа краем стакана.

– Вас зовут Кора, – сообщил он. – То есть дама Орват.

– Но вас? Вашего имени я не знаю.

По смущенному виду кормильца и его нежеланию отвечать Кора поняла, что, вернее всего, совершила какую-то ошибку. Нарушила табу или проявила невоспитанность.

– Господин старший драконокормилец Аполидор! – воскликнул десципон с бородой. – Не отвлекайте госпожу Орват от моего тоста.

– Разумеется, – согласился толстяк и тут же прошептал Коре: – Меня зовут старший драконокормилец Аполидор.

– Нас собрало за этим столом горькое и одновременно счастливое событие. Трагические исчезновения вверенных нам и любимых нами, да, не побоюсь этого слова, любимых нами драконов, но в то же время прилет к нам драгоценной гостьи, полюбившейся нам с первого взгляда госпожи Кору Орват! Когда перед нашим Загоном остановился знакомый нам государственный лимузин...

– Прошу прощения, – перебила десципона Кора. – Прошу прощения. Но на приемах такого ранга речь председателя должна быть переведена синхронно. Для этой цели мне выделен переводчик. Боюсь, что без его помощи я могу упустить нечто важное из сказанного господином десципоном Загона.

– Правильно! – воскликнул счетовод. Но драконокормилец Аполидор тяжело вздохнул, и опытная Кора поняла причину вздоха: перевод отодвинет сладостный момент слияния с прозрачным алкогольным напитком.

Кора строго смотрела на переводчика. Тот растерянно – на нее. Разумеется, он не вслушивался в речь десципона, а спешил наполнить стакан.

– В этот момент... – Мери растерянно замолк и стал настолько похож на старенького мальчика, которого нашлепали при всем народе, что Кора сжалилась.

– Садитесь, – сказала она по-русски. – Попрошу в будущем без фамильярностей. А то накажу.

– Спасибо, – промолвил Мери. Рука его дрожала. – Я боялся потерять работу... с настоящей иностранкой...

– Он будет переводить? – спросил десципон.

– Он не будет переводить, – сказала Кора. – Он забыл слова. А раз без официального перевода ваша речь недействительна, то будем считать ее произнесенной.

– Но, может быть, дама выслушает ее без перевода?

– Я бы не рискнула, – доверительно ответила Кора. – А вдруг кто-то из ваших сотрудников сообщит куда следует?

– У нас таких нету! – гордо произнес десципон, после чего уселся на свое место и замолчал надолго.

– Можно начинать? – спросил счетовод.

– Давайте, – сказал расстроенный десципон и опрокинул в рот чашку водки.

И тут словно прорвало плотину. Все забыли о Коре и принялись наперегонки уничтожать салат, картошку, но главное – колбасу и водку. Из любопытства Кора пригубила водку – водка оказалась в меру крепкой и плохо очищенной. За столом царило деловое молчание, и Кора не пыталась его нарушить. Она понимала, что пройдет несколько минут, и языки у людей, ближе всех на этой планете знающих драконов и, возможно, даже знающих тайну их исчезновения, развяжутся. И тогда надо будет внимательно слушать.

Второй по рангу десципон, без бороды, поднялся, чтобы произнести тост, но его оборвал первый десципон, разумно полагавший, что если ему не дали сказать речь, то и он никому не позволит этого сделать. Далее никто не пытался сказать речь, но время от времени кто-то из драконоблюстителей тянул к Коре стакан или чашку и кричал: «За ваше здоровье!» Кричал искренне и душевно, потому что водка всем нравилась.

– Не понимает она! – сокрушался старший десципон, все еще не в силах пережить своего унижения. – Переводчика сюда!

И начинал ей жестами объяснять – вот, мол, какая ты хорошая! А какие мы хорошие!

По знаку второго десципона Аполидор поднялся с места, подбежал к нему, пошептался и приблизился к Коре.

– Горячее позволите подавать?

– Я здесь гость. Делайте как положено.

– Спасибо, – прошептал Аполидор, склонившись к ее уху. Зеленые глазки сверкали от выпитой водки. Внимание, Кора, осторожно! Они все уже пьяненькие.

Аполидор выбежал из комнаты.

Постепенно уровень шума в комнате поднимался... Уже не так спешили наливать, не столь быстро работали челюсти – как будто все взбежали на перевал и теперь можно было оглядеться, прежде чем начать неспешный спуск.

Аполидор вернулся и сел на свое место.

– Скажи госпоже Орват, – обратился он к переводчику, – что сейчас принесут горячее.

– Вы слышали, госпожа? – спросил Мери, стараясь перекричать растущий шум. – Вам перевести?

Кора не ответила, лишь коварно улыбнулась. Мери был жалок. Ничего страшного, пускай и дальше боится потерять место.

Она обратила внимание, что Аполидор чуть улыбается, одними глазами, как удачно нашкодивший мальчишка. Толстяк не так безобиден, как кажется поначалу.

Открылась дверь, и внесли горячее.

Сначала шествовала строгого вида женщина в толстых очках и длинном платье, формально изображавшем тоску по мужу, скончавшемуся в позапрошлом году. Она несла большой медный поднос, на котором лежала гора нарезанного крупными кусками мяса.

Следом шагала черноволосая смуглая коротышка в платье, говорящем о ее желании отыскать себе достойного жениха с высшим образованием, которая несла кастрюлю с горячей картошкой.

Наконец, сзади семенила девочка, в одной ручке державшая большую солонку, в другой – банку с каким-то соусом.

Мужчины принялись собирать пустые тарелки, чтобы отдать их женщинам. Аполидор сказал:

– Первая – это наш главный бухгалтер, вторая – уборщица, а девочку зовут Мелой, Мелочкой...

Голос его звучал нежно...

– Она ваша дочка? – догадалась Кора.

– Дочка, – прошептал Аполидор.

– А почему они с нами не сядут за стол? У вас не принято?

– Почему не принято? Принято. Только мест мало. А они уже поели, раньше нас поели, на кухне, пока готовили, правда?

Тем временем началась большая дележка пицци – слышались восхищенные возгласы.

– В жизни не видел столько мяса сразу! – воскликнул счетовод.

– Может, вы дракона зарезали? – спросил Мери.

Его шутка была всеми услышана. Попала на тихую паузу. И за столом воцарилось злое молчание. Один за другим драконоблюстители оборачивались к переводчику и пронзали его ненавидящими взглядами. Это была ненависть страха. Но ни один из них не произнес ни слова. Слово все ждали слов того, кто имеет право ответить на это страшное, но ожидавшееся обвинение.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.